

ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ РАСКОЛЬНИКОВ РОССИИ XVIII в. (НА ОСНОВЕ ПРАВОВЫХ АКТОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ПОЛНОМ СОБРАНИИ ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ)

Отражено нормативное закрепление изменения отношения к раскольникам в Российском государстве в XVIII в. Эти изменения выразились в заинтересованности государства в возвращении раскольников в Россию при сохранении ряда социально-правовых ограничений.

Ключевые слова: русская история; XVIII в.; раскольники; политика; законодательство.

Длительное время раскольников в России преследовалось как ересь. Результатом чего стал уход староверов в «пустыни», в глухие места в Сибири, а также бегство за границу, в частности в Польшу. Бегство русских в Польшу в XVIII в. имело негативные последствия для безопасности приграничных российских территорий, поскольку часть беглых занималась разбоем. Российские власти обвиняли в попустительстве и даже организации таких разбоев польскую сторону [1]. В результате уже при Петре I на российско-польской границе возводились заставы, целью которых было прекращение разбоев и предотвращение дальнейшего бегства крестьян в Польшу, а также формирование специальных тайных отрядов для возвращения беглых из Польши [2, 3]. Среди возвращаемых из Польши были, в том числе, и раскольники. В частности, один из важных раскольнических центров – Ветка – подвергался «чисткам» несколько раз.

При императрице Елизавете Петровне было выпущено несколько манифестов, дававших право беглым из России людям вернуться на родину. Сначала возвращаться было разрешено до 1 января 1757 г., затем – до 1 июля 1758 г. и до 1 сентября 1760 г. [4, 5]. Т.С. Мамсик насчитывает во второй половине XVIII в. 13 сроков для явки беглых разного звания, начиная 1754–1755 гг. и заканчивая 1797–1798 гг. [6. С. 128]. При Петре III также принимались указы о непротивлении возвращению из Польши и других мест беглых раскольников. За ними признавалась принадлежность к христианам [7].

Восшествие на престол Екатерины II сопровождалось выходом в свет манифеста от 22 сентября 1762 г., в котором прощались преступления и снимались «начеты и назначенные взыскания». Манифестом, в частности, предусматривалось прощение по «раскольничьи (кроме прямых богохульников) корчемным и соляным делам» (интересно, что эти три вида преступлений, из которых два являлись экономическими, а одно – религиозным, были объединены в один пункт). Обвиняемых по таковым делам надлежало освободить из-под стражи, а «начатыя следствия» оставить [8]. В мае 1763 г. Екатерина II издала указ о прощении вины всем бежавшим за границу раскольникам и разрешении им возвращаться на родину, не боясь притеснений и «кистязаний» [9]. Находящиеся на границах «военные команды» не должны были препятствовать возвращению беглых раскольников с польской территории. Более того, им вменялось в обязанность охранять раскольников «от всяких обид и притеснений», от их задержания или препятствования их поселению в пре-

дусмотренных местах, где губернаторы и воеводы должны были оказать «все удобовозможныя вспоможения» [10].

Т.С. Мамсик за период с 1734 по 1803 г. насчитывает 38 манифестов и указов, касающихся возвращения беглых и прощения их вины (в этот перечень включены указы, касавшиеся беглых за границу вообще и отдельных их категорий в частности; так, ряд указов касался возвращения беглых башкирцев, раскольников, военных, но чаще такие акты касались людей «разного звания») [6. С. 201–203]. Однако поскольку христианство было государственной религией, раскольники, не поддерживавшие его в том виде, в каком оно было принято после изменений, произведенных патриархом Николом, не могли быть полноправными гражданами государства. По отношению к ним сохранялась настороженность со стороны власти. В результате для раскольников устанавливались определенные правовые ограничения.

Согласно сенатскому указу 14 декабря 1763 г. для возвращавшихся из-за границы беглых было установлено условие: раскольники были вольны в выборе – вернуться на прежнее место жительства или же отправиться на новое поселение; однако на деле такой выбор был ограничен определенными территориями, внесенными в прилагавшийся к указу реестр. Согласно реестру возвращавшимся из-за границы (в первую очередь, из Польши) было разрешено селиться в Астраханской, Оренбургской и Сибирской губерниях, а также в Валуиском уезде Белгородской губернии. В реестр включались такие сибирские территории, как земли близ Тобольска, в Барабинской степи, по рекам Убе, Ульбе, Березовке, Глубокой и «прочимь впдающимъ речкамъ въ оныя и в Иртышъ реку местамъ», Усть-Каменогорская крепость. Данные территории рассматривались как «выгодные к поселению» благодаря наличию лесов, богатых рыбой рек, плодородных земель [11].

Манифестом от 15 мая 1763 г., распространявшимся не только на раскольников, а вообще на всех беглых, возвращавшихся из-за границы, позволялось селиться в ближайших пограничных губерниях [12]. Однако беглецам, покинувшим свой дом уже после выхода в свет указов и манифестов о прощении, возможности выбора не предоставлялось: они возвращались хозяевам либо отсылались в Сибирь – на поселение или для прохождения военной службы. В частности, манифест 1763 г. распространялся только на тех, кто бежал до 4 декабря 1762 г. Другой указ, вышедший 30 апреля 1764 г., предусматривал создание в Сибири двух конных и пяти пехотных полков из возвращенных из Польши беглых,

включая и тех, которые были возвращены помещикам, но последние пожелали отдать их в рекруты [13].

К выбору территории поселения прибавлялась возможность статусного самоопределения: раскольники могли вернуться к своим помещикам или записаться в государственные крестьяне или купечество [11. С. 131]. То есть помещичьи крестьяне могли перейти в статус государственных по собственному желанию. При этом «во удовлетворение» помещиков, к которым не пожелали возвратиться их крестьяне, предполагался зачет рекрутов из работоспособных крестьян, а за негодных – выплата возмещения в размере 30 руб. за крестьянина и по 15 руб. за крестьянку из «собираемых с них же раскольниковъ доходовъ» [14].

Первоначально существовали ограничения, относившиеся к одежде раскольников и ношению ими бород. При Петре I существовал специальный налог на ношение бороды, составлявший 50 руб. в год. Бородачи, в том числе и раскольники (против которых, прежде всего, и был направлен указ), должны были носить особое платье, отличавшее их: «...зипунъ со стоячимъ клеенымъ козыремъ, фезези и однорядку с лежачимъ ожерельемъ. Только раскольщикамъ носить у оныхъ козыри красного сукна, чего для платья имъ краснымъ цветомъ не носить» [15]. Эти ограничения вводились прежде всего для выделения раскольников. Однако впоследствии условие обязательного ношения определенной одежды было отменено. За раскольниками было признано право носить бороду и одеваться в соответствии со своим религиозными воззрениями [16. С. 131].

Предусматривались для раскольников и другие меры, которые можно рассматривать как карательные – в частности, раскольники подвергались двойному налогообложению (вопросу податного оклада раскольников был посвящен целый ряд правительственных нормативных актов, изданных в 1716, 1718, 1719, 1723, 1724, 1764 гг. [16–18]). Осуществляемые с раскольников сборы должны были фиксироваться в специально отведенных для этого окладных книгах. Указом 8 февраля 1716 г. на губернаторов была возложена обязанность по сбору сведений о раскольниках и назначению для последних двойного оклада (независимо от их статуса и пола). Крестьяне должны были платить вдвое «съ тяглыхъ своихъ жеребьевъ». Предусматривалось, что в процессе сборов будут выявлены те раскольники, которые вообще не платят налоги. Послабление было сделано только для «вдовъ и девокъ», с которых взимался не двойной оклад, а «противъ онаго вполъ» [16. С. 130].

В 1718–1719 гг. выходили аналогичные указы, предусматривавшие двойной оклад для раскольников. Был также установлен дополнительный сбор для тайно («не у церкви и безъ венечныхъ памятей») женившихся раскольников: «рублю по три съ человека мужеска и женска пола, на обе стороны поровну, а с богатыхъ и больше». Таким образом, с тайно венчанной супружеской четы взимался минимальный дополнительный налог в 6 руб. Верхний порог такого сбора не устанавливался [16. С. 130]. В Синодском указе от 7 марта 1722 г. «О присылке ведомостей о небывших на исповеди и о раскольникахъ, а равно и о штрафныхъ деньгахъ в Святейший Синодъ» предусматривалось, что во всех епархиях архиереям вменяется вести ведомости по

раскольникам. В ведомостях должны были быть указаны имена и чины раскольников, количество оклада, возложенного на них, был ли оклад собран в указанном размере и где хранятся собранные деньги или на какие нужды они были потрачены. Эти ведомости и собираемый с раскольников двойной оклад надлежало передавать из епархий, губерний и провинций в Синод. Запрещалось тратить эти деньги на какие бы то ни было нужды без специального разрешения Синода [19]. 9 февраля 1723 г. Петр I еще раз подтвердил внесение двойного налога раскольниками. В 1724 г. было сделано еще одно подтверждение по поводу сохранения на них двойного подушного оклада [16. С. 130].

Во время ревизии 1764 г. были пересмотрены списки раскольников, т.к. возникла необходимость выявить раскольников, не состоявших в окладе. 3 марта Екатерина II выпустила манифест, обязавший все раскольников, особенно живших в скитах, подать о себе сведения в губернские, провинциальные и воеводские канцелярии для внесения их в ревизские сказки. При этом должны были быть указаны пол, возраст, звание и состояние в окладе в предшествующий период. Двойное налогообложение отменялось для тех, кто был небезнадежен в плане религиозного перевоспитания: т.е. посещал церковь и не был замечен в «развращении» церковных догматов (т.е. таких раскольников, которых еще можно было вернуть в лоно православной церкви). При этом требовалось, чтобы раскольники давали подписки в том, что и впредь будут посещать церковь [17]. По указам 1724 и 1728 гг. налог с раскольников составлял: 1 руб. 20 коп. для купцов и 70 коп. для крестьян и в половину этого – с женщин (соответственно по 60 и 35 коп.). Согласно указу 15 июля 1728 г. сбор с раскольников взимался «не выключая увечныхъ, престарелыхъ и умершихъ» [17. С. 1018]. В 1764 г. из оклада исключались умершие и выбывшие раскольники, не вошедшие в новую ревизию. Однако было предусмотрено, что впредь должно действовать условие указа 1728 г., т.е. сохранялась обязанность раскольников платить двойной подушный оклад за умерших и выбывших, присутствующих в ревизских сказках 1764 г. [17. С. 1018].

Указом 1728 г. был пересмотрен размер сбора с раскольников. В результате двойной подушный оклад для мужчин составил 1 руб. 40 коп. Указом 1724 г. предусматривался также дополнительный сбор «вместо помещичья дохода въ одинъ рядъ по 40 копеек съ души». В 1764 г. размер этого сбора увеличился до 1 руб. Для женщин, придерживающихся старообрядчества, подушный оклад составил 35 коп. Для купечества сохранился 80-алтынный оклад («вдвое противъ 40-алтынного оклада, въ которомъ они и поныне состоять») [17. С. 1018]. В ноябре 1764 г. в ответ на запрос Бахмутской провинциальной канцелярии, изменения, коснувшиеся раскольнического оклада, были подтверждены новым указом Сената [17. С. 1018].

Налоговыми сборами с раскольников, по указам Петра I, должны были заниматься специальные стол и контора, действовавшие при Сенате. При Екатерине I конторе была отведена функция непосредственного осуществления сборов только с раскольников Московской губернии, в остальных губерниях и провинциях с

1726 г. аналогичными сборами должно было предписано взимать «Камерирамъ, подъ смотрениемъ Губернаторовъ и Воеводъ», в уездах и с раскольников, приписанных к олонекким железным заводам, сборами должны были заниматься земские комиссары. Комиссары должны были передавать собранные деньги камерирам, а те – в специально учрежденную контору. Сведения о сборах заносились в специальные книги. Раскольникам выдавались квитанции, свидетельствовавшие об уплате сборов. Ведомости о сборах поступали в Сенат, который решал вопрос о том, как необходимо распорядиться собранными с раскольников деньгами. Таким образом, налоговая функция в отношении раскольников была изъята из синодального ведомства и передана Сенату [21].

Двойное налогообложение, как и другие ограничения, имели целью предотвращение распространения раскольнических вероучений. При Екатерине I в 1726 г. было установлено, что выявленные тайные раскольники (т.е. те, кто не объявил себя, а значит, и не записан в двойной оклад и, тем более, продолжает распространять свое учение) должны записываться в двойной оклад уже по отношению к налогу, который выплачивали к тому времени «легальные», т.е. «объявившиеся» и учтенные раскольники. Эти фискальные меры (как и прочие ограничения) применялись исключительно к тем лицам, которые придерживались раскольнической веры, но не распространялись на православных членов его семьи. В случае отказа от «раскольнической прелести» двойной оклад снимался «чтобы темъ придать къ обращению большую охоту» [22].

Екатерина II в манифесте 3 марта 1764 г. особо отмечала: «Что же касается до техъ, кои православной Церкви не чуждаются, и таинства церковныя отъ православныхъ священниковъ приемлютъ, а только въ застарелыхъ и безразсудныхъ некоторыхъ по суеверию остаются обычаяхъ, неразвращающихъ не слова Божия, ниже догматовъ и правилъ церковныхъ: то оныя, не токмо отъ входа церковнаго и отъ таинства ея, Святейшимъ Синодомъ не отлучаются, но и за раскольниковъ темъ же Синодомъ непризнаваемы въ надеянии томъ, что они со временемъ, по благоразумию и кроткому поучению священниковъ, то свое безразсудное упрямство оставяютъ, и православную веру совершенно познавъ, во всемъ Церкви святой повинуются будутъ; почему и отъ положеннаго двойнаго оклада освобождаются» [17. С. 397]. Это еще раз подтверждает, что двойное налогообложение рассматривалось как наказание за инакомыслие и, соответственно, отменялось по

прекращению действия условий применения. Отход от установленных православных канонов приводил к ограничению гражданской правоспособности.

Духовный регламент 1721 г. запрещал «возводить на власть» (как на духовные, так и на гражданские должности) раскольников, «чтобы не вооружать намъ на насъ же лютыхъ неприятелей, и Государству и Государю, непрестанно зло мыслящихъ» [23. С. 342]. При Петре I раскольникам и «бородачам» запрещалось занимать должности сборщиков налогов или другие ответственные должности. Их разрешалось избирать только в целовальники и «другие темъ подобныя службы, у которыхъ никого подчиненныхъ не бываетъ» [24]. То есть раскольникам запрещалось занимать руководящие посты (пусть даже и незначительные, при наличии хотя бы одного подчиненного). Нарушение этих указов вынудили Екатерину I в 1723 г. принять еще один указ, согласно которому раскольников запрещалось избирать «къ сборамъ и въ купчины», а допускать их только к приему и передаче казны (кроме подушного сбора) и счетчики. Раскольник-счетчик обязывался сопровождать казну в Санкт-Петербург. В случае выявления недочетов, ответственность несли и сам счетчик и выборщики [24].

В целом правительство на протяжении XVIII в. внимательно следило за состоянием «раскольничьих» дел. Прежде всего, это объяснялось тем, что раскольники рассматривались как определенная угроза, поскольку отступали от канонов государственной религии. В связи с этим, с одной стороны, наметилась тенденция к предотвращению побегов раскольников за границу и их возвращение, а с другой – установление определенных ограничений для раскольников. К ограничениям относились: определение территорий для расселения; первоначальный запрет на свободное ношение одежды, соответствующей религиозным взглядам; усиление налогового гнета (в том числе и существование налога на ношение бороды); запрет на допуск раскольников к исправлению выборных должностей. Распространение раскольничьих учений также преследовалось. Такие ограничения преследовали следующие цели: выделить старообрядцев из общей массы населения для того, чтобы любой мог сразу определить их принадлежность к расколичеству; предотвратить дальнейшее распространение раскольничьих учений; недопущение раскольников к занятию административных должностей; скрытое принуждение к выводу из раскольничьего состояния (прежде всего посредством двойного налогообложения).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сенатский указ* «О непропуске беглыхъ за польский рубежь и о наблюдении стоящимъ на заставахъ драгунамъ осторожности отъ нападения разбойническихъ партийъ выходящихъ изъ Польши» от 23 июля 1723 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 1. Т. 7, № 4273. С. 336–338.
2. *Сенатский указ* «О выборе комиссаровъ для возвращения беглыхъ русскихъ людей изъ Польши» от 23 июля 1723 г. // ПСЗРИ. Собрание 1. Т. 7, № 4273. С. 94–95.
3. *Сенатский указ* «О мерахъ для возвращения въ Россию укрывающихся въ Польше и Литве российскихъ подданныхъ, воровъ и разбойниковъ» от 12 августа 1763 г. // ПСЗРИ. Собрание 1. Т. 16, № 11894. С. 331–334.
4. *Сенатский указ* «О выдаче польскихъ беглыхъ, живущихъ въ Киеве» от 5 апреля 1784 г. // ПСЗРИ. Собрание 1. Т. 16, № 12125. С. 703.
5. *Манифест* «Объ отсрочке до 1 сентября 1761 года для добровольной явки беглецовъ въ Россию, ушедшихъ въ разныя времена въ Литву и Польшу» от 2 января 1761 г. // ПСЗРИ. Собрание 1. Т. 15, № 11179. С. 595.
6. *Мамсик Т.С.* Побег как социальное явление: Приписная деревня Западной Сибири в 40–90-е годы XVIII в. Новосибирск: Наука, 1978. 208 с.

7. *Именной указ*, объявленный Сенату генерал-прокурором Глебовым «О сочинении особого положения для раскольников, которые, удаляясь за границу, пожелают возвратиться в отечество с тем, чтобы им в отправлении закона по их обыкновению и старопечатным книгам возбранения не было» от 29 января 1762 г. // ПСЗРИ. Собрание 1. Т. 15, № 11179. С. 984–985.
8. *Манифест* по случаю коронавания императрицы Екатерины II от 22 сентября 1762 г. «О прощении вин владшим в преступления и о сложении начетов и казенных взысканий» // ПСЗРИ. Собрание 1. Т. 16, № 11667. С. 69–70.
9. *Манифест* «О вызове из Польши и Литвы беглых российских помещичьих и всякаго звания людей; о дозволении им селиться в казенных волостях, где кто пожелает и о даче им льгот от податей и работ на 6 летъ» от 15 мая 1763 г. // ПСЗРИ. Собрание 1. Т. 16, № 11815. С. 247–248.
10. *Сенатский указ* «О распоряжениях по поселению выходящих из Польши беглых раскольников и об отпуске их без обид и удержания в те места, кто куда для поселения идти пожелает» от 20 декабря 1763 г. // ПСЗРИ. Собрание 1. Т. 16, № 11738. С. 140–141.
11. *Сенатский указ* «О позволении раскольникам выходить и селиться в России на местах означенных в прилагаемом у сего реестре» от 14 декабря 1763 г. // ПСЗРИ. Собрание 1. Т. 16, № 11725. С. 129–132.
12. *Манифест* «О вызове из Польши и Литвы беглых Российских помещичьих и всякаго звания людей; о дозволении им селиться в казенных волостях, где кто пожелает и о даче им льгот от податей и работ на 6 летъ» от 15 мая 1763 г. // ПСЗРИ. Собрание 1. Т. 16, № 11815. С. 247–248.
13. *Сенатский указ* «О приеме на поселение в учреждающиеся в Сибири полки из выведенных из Польши беглых Российских подданных» от 30 апреля 1764 г. // ПСЗРИ. Т. 16, № 12149. С. 737–739.
14. *Сенатский указ* «О распоряжениях по поселению выходящих из Польши беглых раскольников и об отпуске их без обид и удержания в те места, кто куда для поселения идти пожелает» от 20 декабря 1763 г. // ПСЗРИ. Собрание 1. Т. 16, № 11738. С. 141.
15. *Именной императорский указ*, состоявшийся в Сенате «О взыскании особой подати с бородачей и о ношении ими особого платья» от 6 апреля 1722 г. // ПСЗРИ. Собрание 1. Т. 6, № 3944. С. 641–642.
16. *Сенатский указ* «О позволении раскольникам выходить и селиться в России на местах означенных в прилагаемом у сего реестре» от 14 декабря 1763 г. // ПСЗРИ. Собрание 1. Т. 16, № 11725. С. 129–132.
17. *Манифест* «О учинении вновь переписи незаписавшимся потаенным раскольникам и о положении их в оклад» от 3 марта 1764 г. // ПСЗРИ. Собрание 1. Т. 16, № 12067. С. 596–597.
18. *Сенатский указ* в подтверждение указа 3 марта 1764 г. «О взыскании двойного оклада с явившихся потаенных раскольников» от 16 ноября 1764 г. // ПСЗРИ. Собрание 1. Т. 16, № 12281. С. 963–964.
19. *Указ* Синода «О присылке ведомостей о небывших на исповеди и о раскольниках, а равно и штрафных денег в Святейший Синод» от 7 марта 1722 г. // ПСЗРИ. Собрание 1. Т. 6, № 3914. С. 513–514.
20. *Сенатский указ* «О сборе со всех явившихся по поданным сказкам раскольников положенного на них оклада» от 29 декабря 1764 г. // ПСЗРИ. Т. 16, № 12301. С. 1017–1018.
21. *Сенатский указ* «О сборе денег с раскольников и бородачей по окладам в городах и слободах Камерирам, а в уездах Комиссарам» от 11 марта 1726 г. // ПСЗРИ. Собрание 1. Т. 7, № 4851. С. 585.
22. *Сенатский указ* «О мерах ко взысканию с раскольников и бородачей положенного с них двойного оклада; об увещании тех, которые захотят вступить в раскол и о положении с них оклада против раскольников вдвое и о подтверждении указа 1825 Июля 7 касательно выбора раскольников в счетчики» от 12 декабря 1826 г. // ПСЗРИ. Собрание 1. Т. 7, № 4985. С. 713–715.
23. *Регламент* или Устав Духовной Коллегии от 25 января 1721 г. // ПСЗРИ. Собрание 1. Т. 6, № 3718. С. 315–345.
24. *Указ* «О неопределении раскольников ни к каким делам и о выборе их только в счетчики» от 7 июля 1723 г. // ПСЗРИ. Собрание 1. Т. 7, № 4750. С. 321–322.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 марта 2009 г.